

Жером Баше

Переоткрывая будущее

ВОЗНИКАЮЩИЕ МИРЫ И БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ БУДУЩИЕ¹

Jérôme Baschet

Rediscovering the Future: Emerging Worlds and Unprecedented Historical Futures

Жером Баше

Высшая школа социальных наук (EHESS, Париж), доцент; Автономный университет штата Чьяпас, Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас (Мексика), преподаватель
baschet@ehess.fr.

Jérôme Baschet

EHESS (Paris), Associate Professor; Autonomous University of Chiapas, San Cristóbal de Las Casas (Mexico), Professor
baschet@ehess.fr.

Ключевые слова: режимы историчности, Новое время, презентизм, Антропоцен, планетарное, реальные утопии, сапатистское восстание, посткапиталистические будущие, эмерджентные режимы историчности

Keywords: regimes of historicity, modernity, presentism, Anthropocene, the planetary, real utopias, Zapatista uprising, postcolonial futures, emergent regimes of historicity

УДК: 930.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_43

UDC: 930.1

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_43

В противовес интерпретациям, согласно которым будущее обрушивается под натиском презентизма, в первой части статьи предлагается пересмотреть само понятие презентизма: он понимается не как отсутствие будущего, а как набор специфических модальностей будущего, характерных для эпохи Антропоцена. Во второй части анализируются «реальные утопии» с опорой на опыт сапатистской автономии в Мексике. Расположенная на пересечении множества уже существовавших режимов историчности и наделенная особой изобретательностью, эта автономия может рассматриваться как обсерватория для наблюдений за возникновением беспрецедентных будущих.

In contrast to interpretations, according to which the future collapse under the pressure of presentism, the first half of this article reexamines the very meaning of term presentism. The term is understood not as an absence of futurity, but as a specific set of modalities for the future, which are characteristic of the Anthropocene. The second half of this article analyzes «real utopias», using the Zapatista uprising and subsequent autonomy in Mexico as a case study. Located at the intersection of multiple already existing regimes of historicity and vested with a particular inventiveness, this autonomy can be seen as observatory for the emergency of unprecedented futures.

В эпоху Антропоцена человеческий вид стал геологической силой, которая влияет на обитаемость планеты, провоцируя массовое сокращение биоразнообразия и подвергая потенциальной опасности собственное существование.

1 Я бы хотел поблагодарить Золтана Болдижара Симона и Марека Тамма за приглашение к участию в серии *Historical Futures* и насыщенных обсуждениях, принесших мне немалую пользу. Я также благодарен Итану Клейнбергу и Элизабет Бойл за их внимательность и щедрую помощь в редактировании этой статьи.

Печатается с перевода с рукописи с любезного разрешения автора и издательства *Überbau*. Английский перевод см.: *Baschet J. Reopening the Future: Emerging Worlds and Novel Historical Futures // History and Theory. 2022. Vol. 61. № 2. P. 183–208. — Примеч. ред.*

Поскольку система Земли все сильнее деформируется, размышления об антропоценном будущем должны учитывать реальную возможность того, что будущего не будет ни у людей, ни у многих других живых существ. Однако более насущной проблемой в последнюю четверть XX века стало доминирование презентизма, приведшее к схлопыванию горизонтов будущего или по меньшей мере к крушению того футуроцентричного режима, который до сих пор определял основополагающие представления о модерности. Будущее начинает казаться сокращенным, заблокированным, если не окончательно закрытым.

Тем не менее существуют убедительные основания попытаться переоткрыть будущее — или, по крайней мере, вновь поставить вопрос о множестве будущих². Для этого в первую очередь требуется избавиться от презентистского заточения и предполагаемого им затмения будущего. Поэтому в первой части данного текста я предлагаю пересмотреть презентизм, понимая его не как отсутствие будущего как такового, но скорее как распространение его специфических модальностей. Речь пойдет о нанесении новых точек на карту исторических будущих, к чему нас настойчиво призывают Золтан Болдижар Симон и Марек Тамм³.

Но «переоткрытие будущего» нельзя понимать как возвращение к какой-либо из уже существующих его модальностей. В частности, речь не может идти о том, чтобы, преодолевая презентистские тенденции, одновременно пытаться восстановить будущее современного режима историчности, пропитанного обещаниями светлого завтра и поэтому обладавшего столь мощной мобилизующей силой. Есть серьезные основания полагать, что исторический опыт XX века вкупе с координатами, в которых находится антропоценное настоящее, сделали будущее этого Большого Эмансипаторного Нарратива несостоятельным. Следовательно, переоткрытие будущего должно происходить через поиск беспрецедентных (или, возможно, частично представленных в прошлом, но скрытых или отвергнутых) будущих. Это означает искать в настоящем и в тех потенциальностях, которые оно в себе заключает, ростки иных будущих, на основе которых возможно переосмысление исторического познания. Именно к этому нас призывает *Historical Futures*⁴, и данный текст задуман как вклад в эту программу. Искать эти беспрецедентные и, разумеется, множественные будущие можно по-разному. Со своей стороны я, опираясь на анализ «реальных утопий»⁵, которые уже сейчас экспериментируют с иными возможными мирами и тем самым очерчивают горизонт возможного посткапиталистического сдвига (*basculement*), попытаюсь проследить зарождение этих хрупких и неустойчивых сущностей во второй части статьи.

-
- 2 Этот подход предложен в кн.: *Baschet J. Défaire la tyrannie du présent. Temporalités émergentes et futurs inédits*. Paris: La Découverte, 2018. Обсуждение этой книги см.: *Tamm M. How to Reinvent the Future? // History and Theory*. Vol. 59. №3. 2020. P. 448–458.
 - 3 *Boldizsár Simon Z., Tamm M. Historical Futures // History and Theory*. 2021. Vol. 60. № 1. P. 3–22.
 - 4 *Historical Futures* — коллективный исследовательский проект, посвященный изучению исторических будущих. Среди его участников — Золтан Болдижар Симон и Марек Тамм. Подробнее см.: *History and Theory* (URL: <https://historyandtheory.org/historical-futures>).
 - 5 *Wright E.O. Envisioning Real Utopias*. London: Verso, 2010.

Будущие презентизма и антропоценных историчностей

Режим историчности / режим темпоральности

Рассмотрение этих вопросов невозможно без краткого экскурса в понятие «режима историчности», предложенное Франсуа Артогом⁶. Ниже следуют два соображения, позволяющие несколько скорректировать его употребление.

В первую очередь следует развеять нависшее над этим понятием подозрение в гомогенизации: в конечном счете единая и унифицированная концепция отношения к историческому времени в отдельно взятом обществе — это редкость⁷. И хотя Артог, надо отдать ему должное, учитывает этот аспект, на практике данное понятие нередко применялось в избыточно унифицирующем ключе. В любом случае следует признать, что всякий режим историчности имеет свои пределы и сталкивается с сопротивлениями, создает почву для разнообразных конфигураций и форм разногласия и может даже столкнуться с конкурирующими режимами историчности. Иными словами, говоря о режиме историчности, присущем данному обществу, мы имеем в виду господствующую (или по меньшей мере нарастающую), но не обязательно единственную тенденцию. Следует также различать разные исторические ситуации. В одних обществах может преобладать или даже господствовать один режим историчности; в других — конкурируют разные, подчас не связанные между собой режимы историчности; в третьих — распространено неопределенное множество отношений к историческому времени. Во многих древних обществах основанные на традиции режимы историчности относились скорее к первому варианту; впрочем, воздержимся от поспешных обобщений. Что касается христианского режима историчности, то его внутреннее напряжение значительно превышало зафиксированный Артогом уровень⁸. Если евангельское послание действительно можно квалифицировать как «апокалиптический презентизм», разрывающий непрерывность времени (*chrónos*) ради раскрытия Воплощения (*kairós*) и неминуемости конца времен (*krísis*), то трудно не заметить, что церковная институционализация, получившая прочные теологические основания от Августина, привела к обратной конфигурации, где доминирует *chrónos*, а фигуры *kairós* и *krísis* оказываются под его контролем. Таким образом, средневековые христианские общества пролизывало напряжение между господствующей церковной моделью, основанной на включении *kairós* и *krísis* в хронологическое время, и оппозицией этому социо-клерикальному порядку, стремившейся подорвать господство Церкви

6 Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003. К «модальностям артикуляции категорий настоящего, прошлого и будущего» Артог впоследствии (в кн.: Hartog F. Chronos. L'Occident aux prises avec le temps. Paris: Galilée, 2020) добавил второй критерий, а именно отношение между *временем-chrónos* и *временем-kairós* (и *krísis*). См.: Hartog F. Chronos, Kairos, Krisis: The Genesis of Western Time // History and Theory. 2021. Vol. 60. № 3. P. 425–439; и обсуждение этой статьи другими авторами: Ibid. P. 440–468.

7 Более конкретный анализ см. в: Baschet J. Défaire la tyrannie. P. 60–63.

8 Hartog F. Chronos. L'Occident aux prises avec le temps. Гл. 1–3.

над временем (*chrónos*), чтобы дать место эсхатологической, если не миллениаристской неотложности⁹.

XIX век был ознаменован триумфом современного режима историчности на Западе, наряду с апогеем религиозного поклонения Истории и веры в Прогресс, однако утверждать, что его господство стало безраздельным, было бы ошибкой. В других частях света продолжали и продолжают существовать совершенно иные отношения со временем (во второй части текста мы рассмотрим новый виток этих отношений). В регионах, подвергшихся западной колонизации, современный режим историчности сталкивается с местными устойчивыми режимами и нередко вынужден с ними считаться, тогда как в самой Европе его всегда сопровождает контррежим историчности, который можно назвать романтическим, привязанным к высоко ценимому прошлому и пылко критикующим современное настоящее¹⁰. Наконец, учитывая серьезные темпоральные затруднения нашей эпохи, ее, судя по всему, следует отнести к последней из упомянутых конфигураций. Поскольку такая ситуация требует от нас наносить на карту и сопоставлять множество концепций исторического времени и подвижных взаимодействий между ними, уместность понятия «режим историчности» может вызывать сомнения. Это, впрочем, не требует полного отказа от данного понятия, если принять тот факт, что его использование никоим образом не предполагает унифицированной концепции, но, напротив, позволяет дегомогенизировать анализ и открыть пространство для разнообразных сложных конфигураций.

Кроме того, стоит отметить, что понятие режима историчности не лишено двусмысленности. Если трактовать его как взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, то в этом смысле оно обозначает способ постижения исторического времени. Однако анализ нередко нацелен на совершенно другие аспекты опыта времени — например, когда речь идет о влиянии ускорения на ритмы жизни в презентистском мире¹¹. В таком случае речь идет о совершенно различных регистрах времени, не имеющих прямой корреляции, их вероятные взаимосвязи можно выявить лишь при условии предварительного разграничения. Поэтому мы предлагаем пользоваться двумя разными понятиями. «Режим темпоральности» следует относить к ритмам человеческого существования, особенно в его повседневных измерениях, тогда как «режим историчности» может быть зарезервирован за способом, посредством которого каждое общество постигает себя в историческом (или космо-историческом) времени и, в частности, выстраивает отношения с настоящим, прошлым и будущим¹². Более последовательное различение этих двух масштабов темпоральности — короткого и длительного (вплоть до очень долгого, когда речь идет о традиционных обществах, для которых социальное и космическое время переплетены) — должно обеспечить большую дескриптивную точность и позволить сформулировать более тонкие аналитические гипотезы.

9 Baschet J. La Civilisation féodale. De l'an mil à la colonisation de l'Amérique. 4ème éd. Paris: Flammarion, 2018. Ч. 2. Гл. 1.

10 См.: Löwy M., Sayre R. Révolte et mélancolie. Le romantisme à contre-courant de la modernité. Paris: Payot, 1992. Авторы анализируют романтизм как в его общем значении, так и во всем многообразии его конфигураций.

11 Baschet J. Défaire la tyrannie. P. 133–138.

12 Или, как говорил Райнхарт Козеллек, за способом, которым оно артикулирует поле опыта и горизонт ожидания. См.: Koselleck F. Vergangenheit Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1995.

Что такое презентизм?

По «общему мнению», концепции исторического времени в последние десятилетия претерпели значительные изменения¹³. Среди конфигураций, возникших в результате кризиса современного режима историчности, Артог особенно выделял презентистские тенденции, которые редуцируют отношения с прошлым до коммеморативной функции, подавляя всякое видение будущего¹⁴. Я связываю переход от современного режима историчности к презентистскому с переходом ко второй эпохе капитализма: власть глобализированной экономики прямо навязывает свои нормы государственным институтам и — в перспективе — человеческому существованию во всей совокупности его измерений. В этом смысле наступление презентизма можно понимать как процесс, в ходе которого «режим темпоральности», уже давно характерный для модерна, усиливает свое господство и вторгается на территорию, освободившуюся вследствие эрозии современного «режима историчности»¹⁵. Если в раннем модерне режим историчности сохранял определенную степень независимости от капиталистического режима темпоральности — абстрактного времени часов, — то презентизм свидетельствует об экспансии экономических норм и установлении такого режима историчности, который вполне соответствует капиталистическому темпоральному порядку. Тем не менее презентизм нельзя понимать как отсутствие какого бы то ни было отношения к будущему. Хотя он и свидетельствует о крушении современного футуроцентризма, для него характерно распространение специфических модальностей будущего. Составить перечень этих будущих, совместимых с настоящим, и понять их конфигурации — одна из центральных задач исследовательской программы, посвященной «историческим будущим». Ниже мы кратко очертим три основные линии¹⁶.

В первую очередь речь идет об остаточных эффектах современного будущего. Вряд ли имеет смысл возвращаться к тому, как трагические события XX века привели идеологию Прогресса к глубокому кризису — кризису, который сегодня лишь усиливается под воздействием экологических и климатических угроз. Однако делать вывод, что она полностью изжила себя, было бы преждевременно. Утратив способность поддерживать веру в перманентное цивилизационное развитие, она тем не менее продолжает существовать в усеченной форме — как гонка за технологическими инновациями и культ экономического роста. Требование развития, ныне неизбежно сопровождаемое ярлыком «устойчивого», остается привычным горизонтом политических деклараций и обязательным аргументом предвыборных кампаний, особенно в странах Глобального Юга. Жалкие осколки когда-то сияющей веры в идеологию Прогресса проявляются сегодня прежде всего в негативном ключе — в презрении, которое обрушивается на любого, кто имеет смелость поставить под сомнение

13 Tamm M., Olivier L. Introduction: Rethinking Historical Time // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / Ed. by M. Tamm and L. Olivier. London: Bloomsbury Academic, 2019. P. 1–20; а также: Tamm M. Future-Oriented History // Historical Understanding: Past, Present and Future / Ed. by Z. Boldizsár Simon and L. Deile. London: Bloomsbury, 2022. P. 131–140.

14 Hartog F. Régimes d'historicité. Гл. 4 и заключение.

15 Baschet J. Défaire la tyrannie. P. 66–70, 152–174.

16 Об этих трех измерениях см.: Ibid. P. 70–102.

навязываемую необходимость модернизации. На такого человека немедленно сыплются обвинения в анахронизме и примитивизме, а также пожелания поработать при свете лучины или в доисторической пещере. Таким образом, презентизм, связанный с логикой второй эпохи капитализма, не может обойтись без остаточных эффектов опресненного и урезанного прогрессивизма, чьи обещания больше не выходят за пределы области технологии и количественного роста экономики.

В противоположность этим атрофированным формам современного будущего другие предлагают их гиперболизированную версию, по-видимому невосприимчивую ко всему, что питает кризис модернистских убеждений. Показательный пример — «Манифест акселерационизма» Ника Срничека и Алекса Уильямса, который, провозглашая борьбу с Капиталом, призывает к «политике акселерационизма», идущей в ногу с современностью — ее абстракцией, сложностью, глобальностью и технологиями, — и без колебаний отстаивает «прометеевскую политику максимального овладения обществом и его окружающей средой»¹⁷. Сложно представить более буквальное повторение модернистской доктрины эмансипации, основанной на вере в Прогресс, безусловное благо Науки и неограниченный рост Экономики. Поэтому неудивительно, что Эдуарду Вивейруш де Кастру и Дебора Данновски видят главный раскол среди современных левых по линии между сторонниками ускорения и теми, кто видит выход в замедлении¹⁸. В более общем виде этот разлом проходит между теми, кто призывает к возрождению модернистского понимания эмансипации, противопоставляя его презентизму, и теми, кто, учитывая разрушительные последствия модернизации и ее логики, стремится к поиску принципиально новых путей, связанных с иным режимом историчности.

Благодаря своему стремительному подъему трансгуманизм сегодня представляется гораздо более значительным явлением, чем описанный выше пример. Мы не будем углубляться в его анализ, однако следует отметить, что речь идет об одном из крупнейших массивов «исторических будущих», заявляющих о себе сегодня. Эта категория будущих выходит *beyond the human*¹⁹ и связывает себя с перспективой построения *better than human world*²⁰ благодаря преодолению ограниченности человеческого вида и его гибридизации с био-, нано- и информационными технологиями, а также с искусственным интеллектом²¹. Тем самым трансгуманизм утверждает возможность *disconnective futures*²², не связанных с каким бы то ни было прошлым, поскольку сама материя будущего изменит свою природу в результате разрыва с фундаментальными параметрами человеческого существования, какими они были до сих пор²³. Однако это

17 Accelerate Manifesto. For an Accelerationist Politics. Mexico City: Gato Negro Ediciones, 2013. В рус. пер.: Срничек Н., Уильямс А. #Ускорение: манифест политики акселерационизма (URL: <https://gefter.ru/archive/17113>) (Перевод изменен. — Примеч. пер.).

18 Danowski D., Viveiros de Castro E. Há mundo por vir? Ensaio sobre os medos e os fins. Florianópolis: Desterro, Cultura e Barbárie e Instituto Socioambiental, 2014.

19 «За пределы человеческого» (англ.). — Примеч. пер.

20 «Мира лучшего, чем человеческий» (англ.). — Примеч. пер.

21 Tamm M. Future-Oriented History. См. также: Boldizsár Simon Z., Tamm M. Historical Futures.

22 «Разомкнутых будущих» (англ.). — Примеч. пер.

23 Ibid. См. также: Boldizsár Simon Z. History in Times of Unprecedented Change: A Theory for the 21st Century. London: Bloomsbury Academic, 2019.

стремление к радикальному разрыву с прошлым сочетается с элементами преемственности. Трансгуманизм сохраняет нормативный репертуар либерализма, поэтому можно утверждать, что его сторонникам значительно легче представить себе изменение самой природы человека, нежели трансформацию нынешней социально-экономической системы²⁴. Более того, в трансгуманизме можно усмотреть интенсификацию гуманизма и прометеевской логики, с помощью которой человек в конечном счете вырывается из пределов, заданных ему природой²⁵. Наконец, отметим, что утверждение радикально нового будущего, полностью порывающего с преодоленным прошлым, является основополагающей чертой современного режима историчности²⁶. Трансгуманизм воспроизводит эту установку, доводя ее до предела и радикально порывая с тем, что ему предшествует.

Вторая линия презентистских будущих связана с центральной ролью предвосхищения в экономике, находящейся под властью финансового капитала. Прогнозы роста и другие ключевые индикаторы, такие как процентная ставка, воспринимаются как голос оракула, от которого каждый день зависят рынки, предприятия и государственная политика. Сами рынки функционируют исключительно в рамках предвосхищения будущих движений, чему особенно способствовали неолиберальные нормы, ставшие повсеместными в начале 1980-х и навязавшие этим рынкам логику ликвидности. Эта логика лишь ускорила циркуляцию капиталов в постоянных — сегодня уже измеряемых микросекундами — движениях по поиску активов, обещающих еще более высокую прибыль²⁷. В целом финансиализированная экономика держится исключительно на разделяемой ее участниками уверенности в будущих прибылях. Кроме того, безудержная экспансия кредитования необходима для поддержания потребления, которое иначе оказалось бы недостаточным, а также для обеспечения инвестиций — как в частный сектор, так и в функционирование государств, уровень задолженности которых во многих развитых странах приближается к 100% ВВП. Таким образом, вся экономика становится зависимой от предвосхищения будущего производства стоимости, что характерно для ка-

24 Tallandier A. Staring into the Singularity and Other Posthuman Tales: Transhumanist Stories of Future Change // *History and Theory*. 2021. Vol. 60. № 2. P. 215–233.

25 См. Tamm M. Future-Oriented History. См. Также: Neyrat F. Homo labyrinthus. Humanisme, antihumanisme, posthumanisme. Bellevaux: Dehors, 2015.

26 О растущем расхождении между горизонтом ожидания и пространством опыта см.: Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории / Пер. А. Котова и О. Кильдюшова под ред. А. Смолькина и И. Напреенко // *Социология власти*. 2016. Т. 28. № 2. С. 158; в особенности отрывок: «Мой тезис заключается в том, что в Новое время разница между опытом и ожиданием все больше и больше возрастает, точнее, Новое время впервые понимается как “новое” именно потому, что ожидания как никогда отделились от всего наработанного к тому времени опыта» (Перевод немного изменен. — *Примеч. пер.*). Следует подчеркнуть это «все больше и больше», которое предполагает, что расхождение между ожиданием и опытом, характерное для современного режима историчности, не является тем не менее абсолютным изначально. Оно может быть источником некоторой двусмысленности по отношению к прошлому: с одной стороны, от него следует оторваться, чтобы завершить движение Прогресса, но, с другой, его используют как источник легитимации существующих институтов (в особенности институтов национального государства).

27 Orléan A. L'Empire de la valeur. Refonder l'économie. Paris: Seuil, 2011. См. также: Bascshtet J. Défaire la tyrannie. P. 95–102.

питала, инвестированного в форме кредита. Иными словами, мировая экономика поддерживается только благодаря этой аннексии будущего; презентистский мир существует благодаря вливанию будущего в настоящее.

Дальнейшие исследования могли бы углубить представленный здесь анализ презентизма и выделить преобладающий в нем тип артикулирования настоящего и будущего²⁸. Царящая в презентизме тирания неотложности ведет к тому, что мы непрерывно проецируем себя на следующий момент времени. В более общем смысле презентизм можно охарактеризовать как преобладание сиюминутного будущего над самим настоящим. Достаточно вспомнить «скроллинг», «переключение каналов» и другие практики, ставшие эмблематичными для нашей утраты внимания и способности к ретенции, чтобы увидеть, насколько сжатым оказывается настоящее, постоянно подталкиваемое к следующему мгновению протенционным принуждением. Следовательно, будущие, процветающие в презентистском режиме, являются протенционными будущими, уже вовлеченными в настоящее. Между настоящим и будущим устанавливается плотная взаимозависимость: будущее предопределено и заключено в настоящем, тогда как настоящее может поддерживать себя, только аннексируя будущее. Тем самым презентистская жизнь оказывается настолько же слабо ретенционной, насколько сильно она является протенционной, спроецированной на сиюминутное будущее, которое сливается с настоящим; в ней царит настоящее без присутствия (*un présent sans présence*), вырванное из своего момента и связанное с утратой опыта.

Третья линия определяется тем, что тревога, вызванная глобальным потеплением, ставшим с 2000-х годов неустрашимым и вездесущим вызовом, наносит мощный удар по предыдущей презентистской конфигурации. Следствием этой тревоги становится возросшее присутствие расчетного (*prévisionnel*) будущего, которое с помощью графиков прогнозирует то, каким будет мир в 2030, 2050 или 2100 году. Подобный феномен был немислим еще несколько лет назад, когда царила строгая презентистская краткосрочность. Общая картина, безусловно, усложнилась, и это может вызвать сомнения в самой состоятельности презентизма. Однако если исходить не из отсутствия всякого будущего в презентистском режиме, а из почти полного слияния настоящего и будущего, о котором шла речь ранее, то картина меняется кардинально. Климатическое будущее, строящееся на основе кривых потепления, представляет собой тип расчетного будущего, почти полностью предопределенного накоплением выбросов парниковых газов, наблюдаемым с начала индустриальной эры. Климатическое будущее — это долгосрочная перспектива, однако оно уже разворачивается прямо сейчас; более того, действия в настоящем и будущем могут повлиять на выбор из возможных кривых потепления лишь в среднесрочной перспективе, но не раньше²⁹. Здесь мы видим будущее, тесно связан-

28 Baschet J. Défaire la tyrannie. P. 102–114. Относительно понятий протенции и ретенции мы отсылаем к Эдмунду Гуссерлю: Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. В.И. Молчанова; ред. К.Ф. Блохин. М.: Логос, 1994. С. 34–56.

29 В VI докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) появляется примечательный элемент расчетной достоверности: до 2040 года средний рост температуры оценивается в 1,5 °C (или 1,6 °C) во всех рассматриваемых климатических сценариях. Кривые начинают расходиться лишь со следующего десятилетия. См.: Climate Change 2021: The Physical Science Basis. Contribution

ное с настоящим, и оно оказывается менее чуждым презентизму, чем можно было бы предположить. Эта связь проявляется также и другим образом: господство презентистских краткосрочных перспектив ведет нас к столкновению с угрожающими будущими — наихудшими климатическими сценариями. Так, несмотря на цели, заявленные в Парижском соглашении, в *Emissions Gap Report 2021* Программы ООН по окружающей среде отмечается, что, если государства-подписанты будут выполнять свои обязательства, потепление составит порядка 2.7 °C, хотя само выполнение этих обязательств представляется крайне сомнительным³⁰. Это значит, что возвращение к расчетам далекого будущего, каким бы вездесущим оно ни было, не способно преодолеть краткосрочную инерцию, являющуюся следствием господствующих в экономике сил. И наоборот, именно из-за преобладания презентистской логики будущая экологическая и климатическая катастрофа представляется столь неотвратимой.

Результатом описанных процессов становится возрождение апокалиптических будущих, исходящих из перспективы радикальной деформации условий жизни на Земле и сопряженного с ней экзистенциального риска для самого человечества. Дебора Данновски и Эдуарду Вивейруш де Кастру составили богатую картографию этих воображаемых сценариев конца света: от гипотезы о «мире без нас» (А. Вейсман) до гипотезы «людей без мира», выживающих в опустошенной и безжизненной вселенной³¹. Так или иначе, мы живем во времени конца — под угрозой катастрофы. Разумеется, не такой внезапной, как ядерный апокалипсис, но зато куда более вероятной. Возможно, никогда прежде в истории тяжесть подобной негативной фатальности не нависала над человечеством и планетой столь ощутимо. Будучи прямым продолжением настоящего, это будущее в значительной степени является частью презентистского видения.

Планетарный режим историчности?

Несмотря на свою неполноту, описанная выше картина дает представление о характерных для презентизма будущих и их распространении. Однако мы не сможем продвинуться дальше, если не примем в расчет удар, нанесенный системе Земли Антропоценом — новой геологической эпохой, впервые предложенной Паулем Крутценом и проходящей сегодня рассмотрение в международных геологических инстанциях³². С точки зрения анализа исторических

of Working Group I to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change, Summary for Policymakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 14.

30 UNEP. Emissions Gap Report 2021: The Heat Is On — A World of Climate Promises Not Yet Delivered. 2021 (URL: <https://www.unep.org/fr/resources/emissions-gap-report-2021> (Обновление без значимых изменений после KC-26 (COP-26): URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/37350/AddEGR21.pdf>)).

31 Danowski D., Viveiros de Castro E. Há mundo por vir?

32 Steffen W., Grinevald J., Crutzen P., McNeill J. The Anthropocene: Conceptual and Historical Perspectives // Philosophical Transactions of the Royal Society. 2011. № 369. P. 842–867. Изложение темы в целом см.: Bonneuil C., Fressoz J.-B. L'Événement Anthropocène. La Terre, l'histoire et nous. Paris: Seuil, 2013; Latour B. Face à Gaïa: Huit conférences sur le nouveau régime climatique. Paris: La Découverte, 2015, а также Chakrabarty D. The Climate of History in a Planetary Age. Chicago: Chicago University Press, 2021.

будущих нас прежде всего интересует вопрос: означает ли эта ситуация переход к новому режиму историчности, который можно было бы назвать антропоценным или, шире, планетарным?

Первая трудность заключается в противоречивом характере понятия Антропоцена, оставляющего место для совершенно противоположных интерпретаций. С одной стороны, в нем можно усмотреть знак беспрецедентного могущества человека, ставшего геологической силой мирового масштаба, — характеристика, способная польстить прометеевской *hybris*³³ людей, впервые изменяющих шкалу геологического времени, прежде совершенно безразличного к их деятельности. В таком понимании Антропоцен представляется эпохой наивысшего могущества человека³⁴. Из этого часто делают вывод, что технологические инновации позволят взять под контроль последствия антропогенных нарушений системы Земли. С другой стороны, угроза множеству форм жизни, включая сам человеческий вид, ведет к осознанию пределов человеческого могущества и к утрате веры в историю, движущуюся по линии Прогресса³⁵. В такой перспективе Антропоцен наносит, по-видимому, окончательный удар по современному режиму историчности и в то же время обозначает стирание великого разделения между природой и культурой, основополагающего для Нового времени³⁶.

Дипеш Чакрабартти в своих недавних работах высказал мысль о том, что, в противоположность категории «глобального», описывающей человеческую историю экспансии Запада в Новое время, категория «планетарного» позволяет лучше понять антропоценное время, переходя от человекоцентричного к планетоцентричному способу мышления³⁷. Речь идет о попытке выйти за пределы интерпретаций, рассматривающих Антропоцен исключительно в терминах человеческой истории и влекущих за собой множество моральных вопросов. Чтобы дистанцироваться от этой слишком человеческой темпоральности, Чакрабартти обращается к радикально чуждому ей геологическому времени. Это время, шкала которого исчисляется сотнями тысяч лет и, как считается, лежит за пределами человеческого восприятия и понимания. Переключить внимание на время Земли означает признать и его инаковость, и его безразличие к временной шкале человеческой истории: «Встреча с планетой — это встреча с сущностью, которая, являясь условием человеческого существования, в то же время глубоко безразлична к этому существованию»³⁸. Планетарность, по Чакрабартти, также характеризуется своей недостижимостью: она настолько нечеловечески огромна, что ускользает от любого глобального охвата и, в частности, от сугубо политического подхода. Развивая эту

33 Высокомерие, гордыня (*древнегреч.*). — *Примеч. науч. ред.*

34 Crutzen P. Geology of Mankind // *Nature*. 2002. № 415. P. 23.

35 Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses // *Critical Inquiry*. 2009. Vol. 35. № 2. P. 197–222.

36 О «коллапсе старого гуманистского разделения между естественной историей и человеческой историей» см.: Там же (1-й тезис), а также: Latour B. Face à Gaïa (4-я лекция).

37 Chakrabarty D. The Planet: An Emergent Humanist Category // *Critical Inquiry*. 2019. Vol. 46. P. 1–31, повторно опубликовано: Chakrabarty D. The Climate of History. Гл. 3. См. также: Boldizsár Simon Z. Planetary Futures, Planetary History // *Historical Understanding: Past, Present and Future* / Ed. by Z. Boldizsár Sion, L. Deile. London: Bloomsbury, 2022. P. 95–104.

38 Chakrabarty D. The Planet... P. 4.

идею, Франсуа Артог предлагает в качестве важной характеристики присущего Антропоцену режима историчности опыт расколотого Хроноса, отмеченного двумя радикально несоизмеримыми темпоральностями — временем людей и временем Земли, которые «соприкасаются, накладываются, но не могут смешаться из-за различий в масштабах»³⁹.

Безусловно, осмысление перехода к новой геологической эпохе требует как учета длительной временной шкалы Земли, выходящей далеко за пределы исторического времени человеческих обществ, так и отказа от «человекоцентричного» подхода, который воспроизводит современное разделение между природой и культурой. Но возникает вопрос: не является ли обращение Чакрабарти к геологии способом представить в новом виде уже выдвигавшуюся им ранее идею? В книге «Климат истории» он предлагал «соотнести глобальные истории капитала с видовой историей человечества»⁴⁰. Еще раньше в «Провинциализируя Европу» он предлагал дополнить историю капитала (названную им «История I») множеством других историй, связанных с многообразием способов человеческого бытия, которые не способна охватить первая («История II») ⁴¹. Направление движения изменилось — вначале к частностям, потом к более широким масштабам, — но цель остается прежней: релятивизировать социальную историю капитализма, столкнув ее с тем, чем она пренебрегает или что вытесняет на обочину. Но в таком случае стремление противопоставить человеческую историю тому, что от нее ускользает, рискует отодвинуть на второй план тот факт, что Антропоцен как раз и характеризуется столкновением двух темпоральностей — человеческой и геологической, — считавшихся несоизмеримыми и чуждыми друг другу. Ведь что такое Антропоцен, если не эпоха, когда человеческая история радикально изменяет время Земли, которая более не может оставаться безразличной к этой истории? Это эпоха, когда человечество, в свою очередь, сталкивается с экзистенциальной угрозой, возникающей из ответных реакций Земли на антропогенные нарушения. Как отмечали Данновски и Вивейруш де Кастру, мы становимся свидетелями «крушения различий между масштабами», в результате чего Антропоцен выражает «новый опыт темпоральности, при котором количественное различие между шкалой человеческой истории и биологическими и геофизическими шкалами резко уменьшается или даже опрокидывается»⁴². Такое видение ощутимо отличается от подходов Чакрабарти и Артога. Но таково порожаемое Антропоценом темпоральное расстройство, что шкала времени Земли и шкала человеческой истории сталкиваются и утрачивают прежнюю несоизмеримость.

Совершенно очевидно, что ископаемые ресурсы и биоразнообразие не являются возобновляемыми в масштабе человеческого времени⁴³. Но именно этого времени оказывается достаточно, чтобы гарантировать их массовое исчезновение. Способность в кратчайшие сроки разрушить то, что создавалось в течение длительного геологического времени, сама по себе является доказательством того, что несоизмеримость двух темпоральностей исчерпала себя.

39 Hartog F. Chronos. L'Occident aux prises avec le temps. P. 324.

40 Chakrabarty D. The Climate of History. 3-й тезис.

41 Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000. Гл. 2.

42 Danowski D., Viveiros de Castro E. Há mundo por vir? [«Arrêt de monde». P. 29].

43 Chakrabarty D. Anthropocene Time // History and Theory. 2018. Vol. 57. № 1. P. 22.

Несмотря на их колоссальные различия, они становятся эквивалентными, поскольку то, что человечество совершило за несколько веков, с точки зрения последствий соизмеримо с тем, что система Земли произвела за многие миллиарды лет⁴⁴. Разумеется, Чакрабартти не игнорирует тот факт, что Антропоцен — это эпоха, в которую время Земли подвергается воздействию исторического времени, а геология вторгается в повседневную жизнь. Тем не менее эти взаимодействия отодвигаются им на второй план, вероятно, из-за опасения подтвердить интерпретацию Антропоцена как «истории о людях». Он предпочел бы поставить на первое место лишенный субъекта «планетоцентричный» нарратив, где главную роль играет именно Земля — «сама планета, а не люди»⁴⁵. Однако насколько наука о системе Земли необходима для ответа на вызовы Антропоцена, настолько же необходимы и специфические категории человеческой истории; обойтись без них в этом контексте было бы затруднительно. Если нынешние нарушения глобального климата обусловлены антропогенными факторами, то отказ от изучения истории человечества для выявления истоков этих факторов лишит нас полного понимания (следует отметить, что поиск причин должен проводиться для расширения знаний, а не для решения морального вопроса и поиска виновных)⁴⁶. Более того, мы не должны недооценивать принципиальный факт: именно общественно-человеческие силы могут воздействовать на эти причинные цепочки — будь то с целью протекции их действия, смягчения последствий или демонтажа.

Следовательно, понимание смысла Антропоцена не означает снижения внимания к человеческой политике. При этом само собой разумеется, что политика, способная в конечном счете затормозить безумное скольжение к катастрофе, не может быть продолжением линии, приведшей к сложившейся си-

44 Человечество спровоцировало «разрушение накопленных за миллиарды лет ресурсов, изменение в составе атмосферы, четвертую планетарную энергетическую революцию и массовое вымирание. Потенциал для изменений планетарного уровня сейчас почти такой же, как те, что привели к возникновению жизни или повышению уровня кислорода» (*Langmuir C.H., Broecker W. How to Build a Habitable Planet: The Story of Earth from the Big Bang to Humankind. Princeton: Princeton University Press, 2012. Цит. по: Chakrabarty D. Anthropocene Time. P. 26).*

45 Ibid. P. 25.

46 Не отказываясь от понятия Антропоцена и полностью соглашаясь с Чакрабартти в том, что следует избегать одностороннего сведения истории Земли к истории человечества, мы можем признать определенную уместность Капиталоцена как обозначения этого периода (*Moore J. The Capitalocene (URL: www.jasonwmoore.com/uploads/The_Capitalocene_Part_I_June_2014.pdf); Moore J. Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital. London; New York: Verso, 2015).* Неудивительно, что наука о системе Земли сосредоточена на изучении причинно-следственных связей в период *Homo sapiens* — вида, обоснованно включенного в ее поле исследования. Однако в эпоху, отмеченную переплетением земных и человеческих темпоральностей, было бы ошибкой отказаться от гибридных понятий, которые питают одновременно и науки о системе Земли, и общественные науки, особенно если это может помочь в понимании работающих здесь причинных цепочек. Короче говоря, оба понятия по-своему уместны. Что касается возможного хронологического расхождения между капитализмом и Антропоценом, на который ссылаются, чтобы отвергнуть понятие Капиталоцена, этот аргумент не представляется решающим: сам Ян Анкус признает, что Антропоцен есть «кульминация двух веков капиталистического развития», — этого вполне достаточно, чтобы обосновать понятие Капиталоцена. См.: *Angus I. Facing the Anthropocene: Fossil Capitalism and the Crisis of the Earth System. New York: Monthly Review Press, 2016. P. 231–232.*

туации. Речь может идти только о принципиально ином типе — по меньшей мере о более-чем-человеческой космополитике, отказавшейся от разделения между человеком и природой. Но какой бы более-чем-человеческой она ни была, такая космополитика не может забывать, что она остается формой политического действия, мыслимой и практикуемой людьми, связавшими свою судьбу с судьбами не-людей и временем Земли, и делающей ставку на следующие из этого союзы. Стало быть, отказ от классической политики, основанной на натуралистском представлении об отделенности природы, не может означать отказа от политической перспективы вообще. Вытеснение человека из центра нашего внимания, производимое в интересах геологического времени, считающегося несоизмеримым, может породить опасность нового фатализма. Крушение этой несоизмеримости, напротив, должно побудить к более широкому исследованию возможностей более-чем-человеческой истории.

Переключения (*bascullements*)

Нам следует отказаться от мысли о том, что существует нечто вроде единого антропоценного (или планетарного) режима историчности. Не столько из-за подразумеваемого в самом понятии режима историчности многообразия, сколько вследствие того, что Антропоцен открыт для целого ряда радикально различающихся будущих.

Прежде всего подчеркнем характерную черту, на первый взгляд противоположную предрешенности, ассоциируемой с антропоценной темпоральностью: это усиление неопределенности. Неопределенность характеризует как сами климатические сценарии, так и *a fortiori* их возможную нелинейную эволюцию. На уровне человеческой истории мы наблюдаем, что события становятся все менее предсказуемыми. В качестве примера приведем прокатившуюся по планете серию народных волнений 2018–2019 годов — от «Желтых жилетов» во Франции до протестов в Чили, а между ними — Гонконг, Судан и многие другие страны. Другим примером стала пандемия COVID-19. Разумеется, распространение вирусного зооноза не было неожиданным в теоретическом смысле: подобный сценарий неоднократно моделировался. Однако в реальности это стало совершенно внезапным вторжением, которое погрузило почти все человечество в беспрецедентную и чрезвычайную ситуацию, парализовавшую значительную часть мировой экономики⁴⁷. Есть все основания полагать, что вторжения чрезвычайных событий, теоретически прогнозируемых, но при этом весьма неожиданных, будут происходить все чаще. Для нас это означает повышение степени неопределенности будущего — прежде всего в сфере человеческой истории, но также и с возможными последствиями для системы Земли. Показательно, что, несмотря на кратковременность этого эффекта, распространение SARS-CoV-2 привело к резкому снижению выбросов CO₂ и других загрязняющих веществ в масштабе, как кажется, недостижимом ни для одной из существующих форм человеческой политики. Этот эпизод

47 Об экономических последствиях пандемии в первую очередь см.: Boyer R. Les Capitalismes à l'épreuve de la pandémie. Paris: La Découverte, 2020.

48 Baschet J. Bascullements. Mondes émergents, possibles désirables. Paris: La Découverte, 2021. Гл. 1.

высветил мощный, не зависящий от человеческих намерений порядок причинности, роль которого в будущем Антропоцена, вероятно, будет только возрастать. В более общем плане можно различить периоды относительной системной стабильности, когда специфические факторы не способны существенно повлиять на глобальные траектории, и периоды системного кризиса, когда малейшие изменения исходных условий могут повлечь значительные сдвиги. Здесь мы выдвинем гипотезу, что для нашего времени характерен именно такой системный кризис, который, объединяя в себе эффекты стремительной деформации системы Земли, хрупкость глобализированной экономики, эрозию представительной демократии и многочисленные факторы социального разложения, свидетельствует о все возрастающих сложностях воспроизводства системы⁴⁸.

Следовательно, Антропоцен открывается для множества радикально отличающихся траекторий — это верно как для человеческой истории, так и для истории системы Земли⁴⁹. Эту множественность будущих можно рассматривать как одну из его характерных черт, требующих разработки подходящих «переходных понятий», пригодных для описания такой ситуации⁵⁰. Здесь мы предложим одно из таких понятий — речь о «переключениях» (*basculements*). «Переключения» подразумевают отказ от какого бы то ни было представления о единой и неизбежной траектории, характерного для апокалиптических дискурсов и «коллапсологии», предвещающей общее и фатальное крушение индустриальной цивилизации⁵¹. Напротив, это понятие предполагает существенное расширение спектра сценариев. Разумеется, всякий исторический момент содержит множество возможностей⁵², что еще более очевидно в ситуации системной нестабильности, когда поле возможностей расширяется вплоть до того, что противоположные опции могут одновременно наращивать степень вероятности. Тогда могут происходить непредвиденные по своей сути переключения — то есть потрясения с самого начала настолько же глубокие и масштабные, насколько непредрешенные и неопределенные в момент своего запуска. Кроме того, понятие переключений допускает самые разные динамики: внезапное возникновение беспрецедентных и непредвиденных ситуаций; пороговые эффекты, ведущие к резкому ускорению; неожиданные смены тенденций; широкомасштабные движения, подобные тектоническим сдвигам, и т.д.

Таким образом, переключения исключают непрерывную и линейную концепцию истории, преобладавшую в современном режиме историчности. Понятие акцентирует внимание на разрывах и, в особенности, на тех *tipping points*⁵³

49 VI доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) «Possible Climate Futures» описывает пять различных сценариев, см.: Climate Change 2021. P. 12–23.

50 Boldizsár Simon Z., Tamm M. Historical Futures. P. 15–17.

51 Критику «коллапсологии», впервые развернутую в книге, см.: Servigne P., Stevens R. Comment tout peut s'effondrer. Paris: Seuil, 2015; разработку понятия «переключения» см.: Bascshet J. Basculements.

52 О растущем интересе исторических дисциплин и общественных наук к категории возможного см., например: Deluermoz Q., Singaravélou P. Pour une histoire des possibles. Analyses contrefactuelles et futurs non advenus. Paris: Seuil, 2016; Deluermoz Q., Singaravélou P. Réalité(s) du possible en sciences humaines et sociales // Tracés. Revue de sciences humaines. 2013. № 24; Guéguen H., Jeanpierre L. La perspective du possible: Comment penser ce qui peut nous arriver, et ce que nous pouvons faire. Paris: La Découverte, 2022.

53 «Точках перелома» (англ.). — Примеч. пер.

в будущем, которых следует опасаться в ходе эволюции планетарного климата. Это особый, основанный на прерывистости (*discontinuiste*) способ осмысления исторических трансформаций, который при этом не предполагает отказа от идеи процессуальности. Таким образом, понятие сочетает двойную логику: с одной стороны, это момент резкого изменения — самого переключения, с другой — предшествующая ему аккумуляция, которая делает его возможным. Однако важно подчеркнуть, что такую аккумуляцию не следует понимать как режим непрерывности, как созревание микроорганизмов, которые просто растут исключительно для того, чтобы привести к новой ситуации. Да, переключения возможны только на базе предшествующих элементов, но они также подразумевают перекомпоновку, которая глубоко изменяет их смысл. Важно отдавать должное каждому из этих измерений: и необходимости процессуального накопления, и интенсивности реконфигурации, посредством которой переключение производит феномены, являющиеся не только накопительными, но и качественно беспрецедентными. Таким образом, «переходное понятие», которое мы именуем «переключениями», позволяет мыслить историю как нелинейную: чуткую к возможностям и прерывистую, но все же сохраняющую процессуальность — хоть и по-новому сформулированную.

Основываясь на этом, мы можем очертить — пусть неполно, без учета всех намечающихся вариантов, — целый ряд сценариев, в которых могут происходить возможные переключения. Первый сценарий связан с погоней за экономическим ростом, в значительной мере основанном на углеводородной энергии. Он ведет к опасным климатическим изменениям — повышению температуры в среднем от 3.5°C до 4.5°C и выше, если учитывать вероятность усиливающегося цикла и каскадных пороговых эффектов⁵⁴. Следствием этого может стать массовое вымирание видов и реальный «экзистенциальный риск» для человечества, которому придется выживать в радикально изменившейся к худшему окружающей среде. При таком сценарии возрастет и опасность распространения зоонозных пандемий, и тогда угрозу вымирания человечества уже нельзя будет легкомысленно отбросить⁵⁵. Даже если антропогенные выбросы будут остановлены, Антропоцен продолжится; однако отсутствие новых выбросов парниковых газов может в перспективе оказать благотворный эффект на систему Земли и обеспечить восстановление нечеловеческих форм жизни — при условии, что не выведенные из эксплуатации атомные электростанции и радиоактивные отходы не спровоцируют катастрофу еще больших масштабов. Дополнительная линия этого сценария — это идея космической колонизации, которая превратила бы человечество в многопланетный вид. Согласно наиболее горячим сторонникам этого проекта — таким как Илон Маск или Джефф Безос, — перспектива Земли, ставшей необитаемой из-за человеческой деятельности, как раз и делает необходимой эту внеземную будущность, в ходе которой превращенная в помойку планета будет попросту покинута.

54 Таковы Сценарий 4 (высокие выбросы парниковых газов) и Сценарий 5 (очень высокие выбросы) в VI докладе МГЭИК, см.: Climate Change 2021. P. 12–23.

55 Согласно Бострону, эта вероятность не может оцениваться ниже 25%, тогда как другие авторы оценивают ее выше — вплоть до 50%. См.: Bostrom N. The Future of Humanity // New Waves in Philosophy of Technology / Ed. by J.-K.B. Olsen, E. Selinger, S. Riis. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 194–195.

В рамках капиталистической мир-системы возможны разнообразные масштабные переключения. Например, это может быть переход к глобальной китайской гегемонии — как в результате коллапса институтов глобализированной экономики и открытого противостояния, так и при частичном сохранении взаимозависимостей глобализации. Сосредоточимся, однако, на сценарии, согласно которому капиталистическое производство постепенно отходит от ископаемого топлива. Признаков такого движения становится все больше: это и падение крупнейших игроков нефтяного сектора в иерархии транснациональных компаний, и призыв Международного энергетического агентства прекратить инвестиции в углеводородную энергию⁵⁶. Подобное переключение имело бы огромное историческое значение, поскольку означало бы разрыв связи, основополагающей для всей истории капитализма; и тогда он стал бы первым способом производства, сменившим один энергетический режим на другой. Несмотря на кажущуюся неразрывность связи между капитализмом и ископаемой энергией, гибкость капиталистической системы позволяет теоретически допустить возможность такого перехода. Тем не менее ничто не гарантирует его успешного осуществления: препятствия остаются огромными — это и стремление избежать обесценивания инвестиций в ископаемую энергетику, и преобладание краткосрочных экономических интересов, и недостаточное финансирование инфраструктуры для энергетического перехода и т.д. Поэтому такой переход может происходить лишь частично и крайне медленно, чего совершенно недостаточно, чтобы смягчить уже упомянутые наихудшие климатические сценарии⁵⁷.

Гораздо более серьезным препятствием для восстановления менее разрушительного отношения к экосистемам и системе Земли является императив безграничного накопления капитала, из которого следует необходимость экспоненциального роста экономической деятельности. Эта продуктивистская мания, проистекающая из требования накопления капитала, находится в самом сердце мир-системы, экспансия которой — прямая причина нарушений биосферы; следовательно, и упомянутая мания не может быть устранена без исчезновения самой системы⁵⁸. Очевидно, что наиболее надежный способ уберечь систему Земли от последствий экстремального климатического потепления — устранить причинные цепочки, вписанные в само функционирование капиталистической экономики. И хотя подобный сценарий нельзя назвать самым вероятным, посткапиталистическая траектория все же должна быть принята во внимание как возможное переключение. И если судить по реакциям

56 International Energy Agency. Net Zero by 2050 Scenario. Paris: IEA, 2021.

57 Сценарий 1 (очень низкие выбросы) и Сценарий 2 (низкие выбросы) в VI докладе МГЭИК можно интерпретировать (пусть и без однозначных на то указаний) как результат стремительного энергетического перехода, подразумевающего немедленное сокращение нетто-выбросов, — чего, очевидно, не происходит. Поздний и медленный переход, сопровождаемый слабым ростом температур до 2040 года (весьма оптимистическая гипотеза), за которым следует умеренное снижение, ведет к Сценарию 3 (промежуточному) с ростом средних температур от 2.1 °C до 3.5 °C. См.: Climate Change 2021. P. 13–14.

58 Отрицание капиталистических причин потепления климата на основании того, что социальное неравенство не может объяснить капитализм полностью, базируется на очень узком подходе к природе капитализма. См.: *Chakrabarty D. Climate and Capital: On Conjoined Histories // Critical Inquiry 2014. Vol. 41. № 11. P. 20–21.*

на первые ощутимые эффекты климатического потепления, ставшего за последнее десятилетие источником неустрашимой тревоги и, начиная с 2018 года, поводом для массовой мобилизации молодежи, не исключено, что усугубление этих последствий приведет к делегитимации капиталистической системы и новым коллективным усилиям по сохранению Земли как обитаемой системы. Так или иначе, именно эти будущие заслуживают нашего особого внимания, поскольку было бы ошибкой упустить то, что вполне может составить значительный сектор карты исторических будущих нашей антропоценной эпохи.

В поисках возможных посткапиталистических будущих

Вместо того чтобы пытаться определить эпохальные характеристики Антропоцена, мы сделаем предположение, что единство этого периода, вероятно, распадется на различные траектории — как в отношении человеческих политик, так и разнообразных последствий этих политик, влияющих на климат и систему Земли. Одну из таких «ветвей» Антропоцена мы и рассмотрим в этой части, в рамках исследования посткапиталистических будущих. Такие будущие можно анализировать как конкретные потенциальности, которые растут из критики настоящего — в особенности из экологического и климатического кризисов. Однако эти потенциальности также реальны: они проявляются в неисчислимом множестве промежуточных опытов, которые можно назвать брешами или освобожденными пространствами. В этих пространствах изобретаются формы жизни, концентрирующиеся на создании общего (*faire-commun*) и стремящиеся отойти от норм, навязанных логикой экономики и всеобщей коммерциализации⁵⁹. Исследование этих экспериментальных миров может дать нам некоторые представления о будущих, которые мы назовем «возникающими», — не только потому, что они являются носителями новых признаков, но и потому, что им, вероятно, предстоит развиваться и расширяться, что позволяет рассмотреть в них предвосхищение будущих миров. Но поскольку никакой уверенности в вопросах будущего больше нет, такая характеристика может быть применена лишь со знаком вопроса; именно по этой причине объект наших исследований следует обозначить как «возникающие (?) будущие».

В данном случае поиск посткапиталистических будущих опирается на опыт сапатистской автономии, которая строится на юге Мексики с момента восстания 1 января 1994 года. Два соображения оправдывают этот выбор. Во-первых, среди наблюдаемых ныне «реальных утопий» сапатистская автономия является, пожалуй, одной из наиболее устойчивых, наиболее обширных по географическому охвату (половина штата Чьяпас) и наиболее радикальных, поскольку строится на народном самоуправлении, полностью отделенном от государственных институтов Мексиканской республики. Это самоуправление развернуто на трех уровнях — деревни, автономные коммуны и региональная

59 О понятиях реальной утопии и промежуточной стратегии см.: *Wright E.O. Envisioning Real Utopias*. London: Verso, 2010. О понятии брешей см.: *Holloway J. Crack Capitalism*. London: Pluto Press, 2010. О понятии освобожденных пространств (а также критическое обсуждение предложений Райта) см.: *Baschet J. Basculements*.

координация через «Советы хорошего правления» (*Juntas de Buen Gobierno*) — и включает органы, осуществляющие посредническое правосудие без применения тюремного заключения; в рамках этого самоуправления сапатисты проводят эксперимент по созданию систем здравоохранения и образования, самофинансируемых посредством коллективного труда и обмена услугами⁶⁰. Во-вторых, сапатистский опыт является мощным источником вдохновения — и практического, и теоретического. Это тем более верно для исторической рефлексии, которая играет важную роль в борьбе, определяющей себя как восстание истории, и которая уже в самом начале движения обозначила царство вечного настоящего как характерную черту неолиберального господства⁶¹. Более конкретно, мы будем исходить из того, что именно ситуация сапатистского опыта, сочетающего множество культурных традиций (западных и незападных) и различных режимов историчности, придает ему особую изобретательность и превращает его в уникальную обсерваторию «возникающих (?) исторических будущих».

Будущее: предвосхищение без планирования

Вызов состоит в том, чтобы заново открыть будущее, то есть освободить место для небывалых модальностей будущего. Это предполагает необходимость выйти за рамки превентивных будущих презентизма, а также апокалиптического будущего Антропоцена с его катастрофическими сценариями, не возвращаясь при этом к современному будущему, движение которого заранее задано вектором Прогресса, не говоря уже о его гиперболизированном варианте с обостренными грезами о космической экспансии преобразованного человечества.

Итак, мы будем исходить из предположения, глубоко укорененного в сапатистском опыте. Хотя подобное видение достаточно распространено в их политической традиции, они отвергают идею авангарда, якобы просвещенного наукой Истории и потому способного вести массы к заранее известной земле обетованной. Осознав непоправимый кризис классического понятия Революции, сапатисты взяли за основу принцип *caminar preguntando*⁶². Это выражение — простое и конкретное, как это часто бывает в сапатистской речи, порывающей с привычными канонами политического дискурса, — должно быть понято во всем его критическом значении. Это означает, что нет никакой заранее проложенной тропы и что путь, в ходе которого она возникает, пронизан неопределенностью. В процессе всех сомнений и вопросов, сопровождающих само движение, постепенно вырисовывается дорога. Однако *caminar preguntando* — метафора коллективной борьбы — вовсе не означает блуждания или прогулки, ведомой прихотями. От чего мы стремимся освободиться и где ищем новые возможности, что отвергаем и к чему устремляемся — все это является необходимым условием самого начала пути, тем более когда мы задумываемся

60 Для ознакомления с сапатистской автономией см.: *Baschet J. La Rébellion zapatiste. Insurrection indienne et résistance planétaire. Paris: Flammarion, 2019.* Из сапатистских текстов, излагающих опыт автономии, в первую очередь см.: *EZLN. The Critical Thought in the Face of the Capitalist Hydra I. Chico: AK Press, 2016.*

61 *Baschet J. La Rébellion zapatiste. Гл. 3.*

62 *Ibid. P. 237–239. «Идти, задавая вопросы» (исп.). — Примеч. пер.*

о колоссальном усилии, которого требует борьба за преобразование коллективной реальности.

Образ пути вездесущ в сапатистской речи, особенно в тех рассказах, которые придают ей особую притягательность. Так, старик Антонио — персонаж, передающий субкоманданте Маркосу знание автохтонных культур, — объясняет, что необходимо «оглядываться назад», на путь, который никуда не привел, но тем не менее не был напрасным: «Он сослужил свою службу, потому что теперь мы знаем, что толку от него никакого <...>, но мы можем проложить другой путь, который приведет нас туда, куда мы хотим»⁶³. Таким образом, даже если путь не был определен заранее, он предполагает волю к действию и стремление к тому, чего еще нет. Его траектория определяется вопросами, возникающими на каждом шагу, а значит, пункт прибытия будет всегда отличаться от пункта назначения, каким бы мы его себе ни представляли. Но существует предварительная интенция — некая *устремленность к*, — которую можно назвать предвосхищающим чаянием⁶⁴. Здесь мы обнаруживаем утопическое чаяние, столь важное для Эрнста Блоха, открытое для той части Еще-Не-Случившегося, что содержится в реальности⁶⁵.

Вся трудность состоит в том, как найти место этому предвосхищающему чаянию, этому стремлению к тому, чего еще не существует, не воспроизводя при этом современный вариант предвосхищения. Последний претендует на знание того, что должно произойти (по крайней мере, в общих чертах). Это программное и планирующее предвосхищение. Современное будущее в значительной мере заранее продумано и познано. Разумеется, оно не должно воспроизводить то, что уже было: напротив, оно все дальше расходится с прошлым и настоящим, но делает это в рамках заранее обозначенной динамики Прогресса, вписывая себя в предсказуемую экстраполяцию собственных тенденций. Не-планирующее предвосхищающее чаяние, напротив, — это осознанное движение к тому, чего еще нет, при отказе от определенности и согласии с тем, что пункт назначения возникнет лишь в процессе изобретения пути. В режиме планирования любое отклонение от цели, как правило, рассматривается как ошибка в исполнении. Чтобы избежать ошибок, предопределенное планировщиками содержание накладывает ограничения на ситуации реальной жизни, следуя логике, отдающей предпочтение абстракции над конкретным опытом. Напротив, предвосхищение без планирования не позволяет первоначальным устремлениям ограничивать проистекающие из него действия, оставаясь открытым для непредвиденных возможностей, возникающих по пути. Предвосхищение без планирования обеспечивает превосходство логики конкретного и большую степень открытости для потенциальных будущих.

Поэтому будущее, которое должно быть мобилизовано здесь, полагается открытым и непредопределенным. Его можно назвать POSSIBILISTским

63 Ibid. P. 214–215.

64 Формулировка *falta lo que falta* («не хватает того, чего не хватает»), часто повторяющаяся в сапатистских коммюнике, подчеркивает, что борьба разворачивается в связи с *Еще-Не*. В сапатистском журнале «Rebeldía» (2005. Nov. № 37. P. 3) уточняется, что в этой формуле обобщен «сапатистский взгляд», осознающий, что «то, что еще не сделано, незавершенное, и есть его наследие».

65 Bloch E. Werkausgabe. Band 5: Das Prinzip Hoffnung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1985. Интерпретацию его творчества, все еще отмеченного финализмом реализованного Единого, см.: Löwy M., Sayre R. Révolte et mélancolie. P. 257–281.

в том смысле, что оно предвосхищается, воображается и желается только как возможное будущее — неизбежно ненадежная возможность и вдобавок обреченная на опровержение в процессе своего осуществления⁶⁶. Могут сказать, что будущее современного режима историчности, соответствовавшее предопределенной траектории Всемирной Истории и гарантированное наукой планировщиков и авангарда, было более мобилизующим. Это невозможно отрицать. Но мы должны признать, что узел, соединяющий надежду и определенность, — тот самый, который придавал современному проекту эмансипации его мобилизующую силу, — окончательно разорван. Поссибилистское будущее непланирующего предвосхищающего чаяния гораздо более хрупко; поэтому есть все основания опасаться, что его способность к мобилизации окажется недостаточной именно в наше время, когда необходимо остановить безумное скольжение к массовому уничтожению живого на Земле. Однако у этого хрупкого и ненадежного будущего есть одно преимущество перед современным будущим. Последнее как выражение гомогенного и абстрактного времени мыслилось уже данным, вписанным в заранее анонсированный ход Истории. Нерешенное будущее, о котором идет речь, не приковано ни к какой исторической необходимости. Оно является ненадежной возможностью, которую следует изобрести в пути. В этом смысле оно, возможно, является более полноценным будущим, чем современное будущее — блистательное, на первый взгляд, но заключенное в жалкой схеме линейной истории с ее неизбежным разворачиванием. Впрочем, здесь мы оказываемся настолько далеко от спланированного будущего современного режима историчности, что был бы предпочтителен другой термин: слово «грядущее» (*à-venir*) точнее выражает основное свойство предвосхищающего чаяния, столь же одушевленного желанием того, чего еще нет, сколь и признающего ненадежную процессуальность становления.

Мост между прошлым и будущим

Еще одна примечательная характеристика этого нового видения будущего связана с отношениями, которые она устанавливает с прошлым. Сапатистская речь постоянно обращается к образу моста между прошлым и будущим. В сапатистских коммюнике звучит призыв «обратиться к прошлому, чтобы идти вперед» и даже двигаться «в обратном направлении», поскольку «в прошлом мы можем найти пути в будущее»⁶⁷. В таком отношении к прошлому — один шаг до провокативного анахронизма: так проявляет себя защита общинных форм жизни, образующих ядро автохтонной традиции, которую стремится ликвидировать модерн. Однако сапатисты выступают и против превращения аборигенных народов в музейные экспонаты. Опасаясь, что их борьба будет

66 В этом смысле непланирующее предвосхищение аннулирует «парадокс предвосхищения», выявленный Жаком Деррида, но по-прежнему присущий форме предвосхищения, характерной для современного режима историчности: «Предвосхищение открывается грядущему, но в то же самое время оно его нейтрализует, презентифицирует (*présentifie*), превращает в память, в будущее предшествующее, а значит, в воспоминание, которое объявляет, что придет завтра» (Derrida J., Stiegler B. *Écho-graphies de la télévision*. Paris: Galilée, 1996. P. 119).

67 Цит. по: Baschet J. *Défaire la tyrannie*. P. 27–28.

сведена к защите фольклоризированного и якобы незапамятного прошлого, они стремятся избежать ловушки — быть заточенными в отождествлении с прошлым — и отстаивают способность проецировать себя в будущее⁶⁸. Стоит особо отметить, что такое акцентирование связи между прошлым и будущим тем более значимо, поскольку зиждется на восприятии вечного настоящего как характерной черты новых форм капиталистического господства⁶⁹. Именно в противостоянии этой схеме сапатистское движение определило себя как «восстание, которое бросает вызов нынешнему разочарованию, стоя одной ногой в прошлом, а другой — в будущем»⁷⁰.

Этот союз прошлого и будущего имеет принципиальное значение⁷¹. Будучи противоположным презентистскому заточению, он в то же время отходит и от модерного режима историчности, в котором движение Прогресса таково, что славное будущее неизбежно удаляется от прошлого — утратившего актуальность, если не полностью обесцененного⁷². Наконец, как бы высоко ни ценилось прошлое, этот союз стремится ускользнуть от традиционных режимов историчности, в которых будущее должно, по крайней мере в идеале, воспроизводить былые времена. Таким образом, намечается тройное преодоление: преодоление частично повторяющегося времени автохтонного мира, преодоление линейного времени современности и исторического материализма и преодоление вечного неолиберального настоящего. Сами эти идеи вырастают из слияния трех режимов историчности: модерного режима, воплощенного в марксистско-ленинской версии, но требующего преодоления вследствие кризиса классической революционной парадигмы; автохтонной общинной традиции, нуждающейся в защите от всего, что угрожает ей уничтожением, но подлежащей оживлению и трансформации; и, наконец, открытого противо-

68 «Власть <...> хочет ограничить борьбу индейцев рамками прошлого», тогда как, напротив, «в борьбе за достоинство мы смотрим в прошлое, но тем не менее, и это принципиально важно, конечным горизонтом является будущее... Наша борьба позволяет нам читать будущее, которое было посеяно вчера, которое мы взращиваем сегодня и которое мы пожнем завтра, только если мы будем бороться, если будем мечтать. <...> Короче говоря, мы, коренные народы, принадлежим не вчерашнему дню, но завтрашнему» (*Subcomandante Marcos. El otro jugador. 12.03.2001 // EZLN. Documentos y comunicados. Vol. 5. Ciudad de México: Era, 2003. P. 232–233*).

69 Неолиберальное вечное настоящее получает определение в коммюнике от февраля 1998 года (*La mesa de San Andrés: entre los olvidos de arriba y la memoria de abajo // EZLN. Documentos y comunicados. Vol. 4. P. 182–183. См.: Bascshet J. Défaire la tyrannie. Гл. 1*).

70 Ibid. P. 30.

71 Этот образ распространен и в других широтах, населенных коренными народами Америки. Так, Сильвия Ривера Кусиканки предложила понятие «найрапача», образ «прошлого, способного обновить будущее». См.: *Cusicanqui S.R. Violencias (re)-encubiertas en Bolivia. Santander: Otramérica, 2012. P. 52*. Она также пишет: «Проект автохтонной современности может вырасти из настоящего в форме спирали, чье движение является непрерывной обратной связью между прошлым и будущим» (*Cusicanqui S.R. Ch'ixinakaw utxiwa. Reflexiones sobre prácticas y discursos descolonizadores. Buenos Aires: Tinta Limón, 2010. P. 54–55*).

72 Как уже было сказано, отношение к прошлому в модерном режиме историчности является амбивалентным и среди прочего способно порождать славное прошлое национальных историй. Однако редко кто стремится воспроизводить эти истории, они скорее воспринимаются как начало или стадия на пути к настоящим (или будущим) достижениям.

стояния презентистскому господству, сопутствующему неолиберальному переустройству. В этом слиянии каждый элемент может быть подвергнут критике с точки зрения двух других. Так, критика презентизма призывает к восстановлению исторического сознания; при этом критика модерна не позволяет вернуться к однолинейной схеме истории. Она же подразумевает повышение значимости общинной традиции, но стремление трансформировать последнюю не дает ей замкнуться в петле повторений. Таким образом, позитивное соединение прошлого и будущего становится ключевым явлением: оно противостоит презентизму и одновременно делает возможным то, что было немыслимо ни в модерном режиме историчности, ни в его традиционалистской изнанке.

Такой альянс не является беспрецедентным, его можно сопоставить с тем, что Михаэль Лёви и Роберт Сайр определили как революционный романтизм — движение мысли, которое выступает не за «возвращение (*retour*) к прошлому, а за обходной путь (*détour*) через прошлое», чтобы точнее спроецировать себя в будущее⁷³. Наиболее яркое выражение эта идея получает у Блоха: «Жесткие разграничения между будущим и прошлым сами обрушиваются, и не бывшее будущее становится видимым в прошлом, тогда как отомщенное и унаследованное, опосредованное и исполненное прошлое — в будущем»⁷⁴. В то же время подчеркнем, что сапатистская рефлексия обогащает и реактуализирует эти положения: если Блох, как и Беньямин, противопоставляли себя модерному режиму историчности, то сапатистская перспектива добавляет к этому критику презентистского режима, а также режима традиции, укорененного в автохтонных сообществах. Разумеется, было бы весьма полезно очертить констелляцию, объединяющую сапатистский опыт с рефлексией Беньямина, стремившегося как «зажечь в прошлом искру надежды», так и порвать с континуумом времени, прославляя «настоящее, представляющее собой не переход, а остановку, замирание времени»⁷⁵. Но для этого необходимо осознать и тот факт, что их разделяет переход от одного режима историчности к другому, вследствие чего радикально меняется и ситуация, на которую нацелена критика. Поскольку сапатисты сталкиваются с куда более сложно

73 Löwy M., Sayre R. Révolte et mélancolie. Le romantisme à contre-courant de la modernité. P. 302.

74 Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. S. 16. Когда поздний Маркс определяет традиционную деревенскую общину как потенциальную «точку опоры для социального возрождения России», он предлагает свою версию того же принципа: то есть отвергает схему линейной истории, ритмизованной необходимыми этапами, и порывает с предрассудками Прогресса, ставящими на прошлом клеймо анахронизма; о письме к Вере Засулич и набросками к нему см.: Shanin T. Late Marx and the Russian Road. New York: Monthly Review Press, 1983. (Письмо к Вере Засулич см.: Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 250–251. — Примеч. пер.)

75 Об этой констелляции см.: Tischler S. Tiempo y Emancipacion. Mijail Bajtin y Water Benjamin en la Selva Lacandona. Ciudad Guatemala: F&G, 2008; а также мои комментарии см.: Bascshet J. Défaire la tyrannie. P. 199–205. О «Тезисах о понятии истории» см.: Löwy M. Walter Benjamin: Avertissement d'incendie, une lecture des thèses «Sur le concept d'histoire». Paris: PUF, 2001. P. 50 (Тезис VI). (Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: Сб. ст. / Пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой и др.; филологический ред. переводов А.В. Белобратов; ред. Я. Охонько; сост. и послесл. И. Чубаров, И. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. С. 247. Перевод изменен. — Примеч. пер.)

устроенной ситуацией, выдвигаемые ими предложения наделены отчасти бес-
прецедентным измерением, обладающим особой убедительной силой.

Возникающие (?) режимы историчности

Так проявляется особое и отчасти беспрецедентное качество будущего: откры-
тое, ненадежное, но возможное будущее, которое принимает то, чего не бывало
ранее, и в то же время ищет точки опоры и источники для творческого им-
пульса в прошлом. Вокруг двух рассмотренных выше конфигураций могли бы
сформироваться один или несколько возникающих режимов историчности.
Мы упомянем три характерные для них черты.

Первая касается самой природы историчности. Вопрос можно сформули-
ровать следующим образом: как сохранить само понятие истории, не возвра-
щаясь при этом к современному режиму историчности, в рамках которого эта дис-
циплина снискала свою славу? И как нам отойти от однолинейной концепции
истории, которая поддерживала этот режим, избежав размывания всякого
представления об истории — размывания, которому сегодня способствуют и
постмодерная фрагментация, и презентизм? Сегодня все чаще звучит очевид-
ный тезис о необходимости порвать с однолинейным, непрерывным и одно-
направленным видением Всеобщей Истории, отождествляемым с движением
Прогресса. Впрочем, в значительной мере эта задача уже была выполнена
Беньямином, который стремился «взорвать континуум истории», не утрачи-
вая при этом взгляда на «весь ее ход», что становится возможным именно по-
средством расщепления истории на диалектические образы⁷⁶. Но если мы при-
нимаем необходимость исключить прямую, единую и однородную линию,
следует ли из этого отказ от любого вида линий? Образ пути в сапатистской
рефлексии предполагает отрицательный ответ. Ведь что такое путь, как не ли-
ния? Особая, извилистая, не прямая, без определенного заранее пункта при-
бытия, но все же линия. Поражает совпадение между сапатистским образом
пути, по которому идут, задавая вопросы (*caminar preguntando*), и концепцией
линии, предложенной Тимом Ингольдом⁷⁷. Он показал, что если прямая ли-
ния символизирует модерн, то многие незападные общества пользовались
линиями других типов. Если прямая линия мыслится как утилитарный и наи-
более эффективный способ соединить одну точку с другой, то другие линии
мыслятся как *траектории*, то есть активные линии, которые выстраивают
свой курс по мере продвижения. У линий-траекторий нет заданного пункта
назначения: они создают себя в процессе. Это извилистые линии, влекомые
стремлением к тому, чего еще нет, ненадежные в своих маршрутах, готовые
двигаться по спирали и даже возвращаться назад, чтобы лучше взять разбег.
На этой основе может быть разработана концепция историчности, которая не

76 См.: эссе «Эдуард Фукс, коллекционер и историк» (Беньямин В. О коллекционерах
и коллекционировании / Пер. Н. Бакши, С. Ромашко. М.: V-A-C press, 2018), а также
см.: Bascshet J. Défaire la tyrannie. P. 222–224.

77 Ingold T. Lines. A Brief History. London; New York: Routledge, 2007. Сапатисты и Ин-
гольд совпадают также в подходе к связке «прошлое/будущее», поскольку Ингольд
уточняет: «Прошлое пребывает с нами, когда мы пробиваемся в будущее. В этом
движении идет работа памяти, руководящая сознанием, которое, двигаясь вперед,
также запоминает путь» (Р. 122).

сводится к однолинейности, но сохраняет линейную форму; тогда доминирующим образом становится запутанный пучок линий-путей, которые завязываются и переплетаются, пересекаются и сталкиваются — а иногда возникают или теряются.

Эта множественность процессуальных линий обретает смысл лишь при признании гетерогенности исторического времени, что дает нам возможность представить его как переплетение разновременных динамик. Это видение не исключает схождения, резонансов и обобщающих динамик, но требует полностью признать наличие сдвигов фаз и аритмий между множественными процессами, участвующими в данной реальности, а также расхождения времен и «современности несовременного»⁷⁸. И тогда история предстает как клубок разновременных линий. Однако говорить о путях и линиях означает говорить о процессе. При этом мысль о процессе никоим образом не возвращает нас к исторической непрерывности, которую хотел взорвать Бенямин, с ее стремлением суммировать Историю в виде унифицированного процесса. Напротив, она требует отдать должное прерывистости и событийности (*événementialité*). Мы уже упоминали возможную разработку переходных, основывающихся на прерывности понятий, позволяющих анализировать переключения (*basculéments*), которые долго подготавливаются, после чего наступает момент разрыва и полная реконфигурация. Даже если реконфигурация происходит с помощью уже существующих элементов, такого подхода достаточно, чтобы разрушить торжественный поступательный ход истории и отказаться от идеи процесса, который сводится к регулярному и непрерывному росту⁷⁹. При этом следует отдать должное самой мощи события — его способности прорывать континуум и порождать новое. В то же время не стоит концептуализировать событие как чистое просветление, экстаз темпоральности или откровение, несоизмеримое по масштабу с непосредственной ситуацией⁸⁰. Это позволит нам мыслить событие через идею процессов. Так, линия процесса может испытывать резкие колебания ритма и особые моменты интенсификации действующих сил; и тогда событие становится следствием пороговых эффектов, преодоления критической точки или качественного скачка. Более того, когда множественные процессуальные линии встречаются и сталкиваются, может последовать принципиально непредсказуемое потрясение, особенно если речь идет об извилистых линиях: это, разумеется, и есть событие. Повторимся: переходное понятие «переключений» позволяет совместить непредсказуемую встречу множества процессуальных линий, неравномерную природу этих линий и измерение переломного события, которое и происходит в момент переключения. Несмотря на эскизный характер этих замечаний и на возможное существование «чистых» событий, лишенных какой-либо земной процессуальности, мы видим, что предоставление места событию и разрывам не ставит под сомнение наше пред-

78 Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1962.

79 Здесь мы можем отослать к точечной парадигме и критике постепенности у Стивена Джея Гульда (*Gould S.J. Punctuated Equilibrium*. Cambridge: Harvard University Press, 2007), который признавал влияние, оказанное на него основанной на прерывистостях моделью Томаса Куна (*Кун Т. Структура научных революций* / Пер. И.З. Налётова. М.: Прогресс, 1975).

80 См.: *Lyotard J.-F. Discours, Figure*. Paris: Klincksieck, 1971; а также Жака Деррида, отстаивавшего «мессианское без мессианизма», см.: Деррида Ж. Призраки Маркса / Пер. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera, 2006. С. 110.

ставление об истории как о переплетении гетерохронных процессуальных линий. И наоборот, идея исторических процессов имеет мало шансов на полноценное развитие, если она пренебрегает прерывистостью и ролью событий⁸¹.

Другим способом разрушить историцистский континуум, не отказываясь от осмысления процессов, является освоение попперистского подхода к истории. Согласиться с тем, что каждая историческая ситуация несет в себе множество возможностей, — значит признать, что историческое развитие не сводится к неотвратимой и однозначной траектории, установленной существующей конфигурацией. Таково следствие концепции истории как переплетения разновременных процессов, взаимодействующих между собой. Поскольку любая историческая ситуация подразумевает пересечение причинных рядов, частично независимых друг от друга, это может порождать элемент непредсказуемости и контингентности — даже хаоса в математическом смысле термина. Однако признание неопределенности и открытых возможностей вовсе не освобождает историков от труда по выявлению масштабных причинно-следственных связей или повторяющихся тенденций. И если историки отказываются от постулата гомогенности какой бы то ни было эпохи, чтобы переключить внимание на рассинхронизацию наблюдаемых феноменов, это тем не менее обязывает их проверять, в какой степени некоторые логики схождения или обобщения действуют сквозь саму эту гетерогенность и рассинхронизацию. Иными словами, задача состоит в том, чтобы с наибольшей точностью артикулировать формы связности, характеризующие исторические конфигурации, а также силы, которые ведут к столкновению или преломлению, к сдвигам фазы и асинхронности.

Вторая характеристика проистекает из отказа от схемы Всеобщей Истории, которая обрекает человеческие общества — одни своевременно, другие с запозданием — следовать по единственному пути, открытому современным Западом⁸². Поскольку современный режим историчности рассеивается, то и постапистический горизонт также ускользает от этой схемы. Он не может мыслиться как осуществление Универсального — того Универсального, что на деле было лишь частным универсальным Запада, иначе говоря «европейским универсализмом»⁸³. Сапатисты формулируют совершенно иной подход. Они призывают создать «мир, в котором найдется место множеству миров»⁸⁴. Это не просто апология разнообразия, но радикальное утверждение множественности как принципа. Сапатистский тезис противопоставляет глобализующим логикам экономики — ведущим одновременно к гомогенизации и фрагментации, к распространению абстрактного эквивалента стоимости и разрушению различных форм жизни — политику автономии. Она строится на опыте, укорененном в обживании конкретных мест, и потому является политикой множественности априори. Тем не менее сапатистское высказывание не ограни-

81 Другой подход к прерывистости, не процессуальный, но событийный см.: *Boldizsár Simon Z.* The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities // *Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism* / Ed. by M. Tamm and L. Olivier. London: Bloomsbury, 2019. P. 71–84.

82 *Chakrabarty D.* Provincializing Europe. Гл. 1.

83 *Wallerstein I.* European Universalism: The Rhetoric of Power. New York: The New Press, 2006.

84 *Bascshet J.* Rébellion zapatiste. Гл. 4. См. также: *Bascshet J.* Basculements (где предлагается универсализм множественностей).

чивается призывом ко множественности миров; оно соединяет этот призыв с признанием «единого мира», который делает эти множества возможными и устанавливает между ними общее. Этот «единый мир» — прежде всего единство общего жилища, планеты Земля, чья обитаемость является условием для множества возможных миров. Но он же задает горизонт, вполне пригодный для отказа от местечкового заточения и абсолютизации идентичностей. Это горизонт общего, которое следует строить исходя из гетерогенности опытов — через кооперацию, пересечение географий и взаимопроникновение отдельных памятей. В сапатистском опыте и речи есть основания для дальнейшей критики западного универсализма, абстрактного и частного одновременно, а также множество указаний на возможность помыслить новый универсализм, чье двойное измерение — поиск общего в различиях — позволяет назвать его *полиуниверсальностью* или универсализмом множественностей.

Для нас принципиально важно отказаться от идеи, что может быть только один выход из капитализма. Если посткапиталистическая гипотеза и имеет смысл, то именно потому, что она открыта множеству форм жизни, которым сообщества обитателей Земли могут дать расцвести. Речь идет не о мелких различиях, а о радикально отличающихся способах бытия и действия. Эти различия предполагают онтологическую множественность, в которой найдется место для традиций анимизма, тотемизма и аналогизма, для широкого спектра их вариаций, а также для новых, невиданных комбинаций между ними (за исключением натурализма)⁸⁵. Согласно той же логике, мир множественности миров не может быть связан с единственным режимом историчности. Онтологии, которые мы упомянули, подразумевают их разнообразие (и, разумеется, предложенный нами анализ действует только для постнатуралистских миров в строгом смысле слова, то есть для тех, перед которыми стоит задача разрушить когда-то усвоенную модерную традицию). Следовательно, посткапиталистический мир предполагает разнообразные режимы историчности. Возможно, планетарное сообщество, построенное по принципу «мира, в котором найдется место множеству миров», даст жизнь понятию режима *историчностей*, в котором объединятся черты, присущие посткапиталистическому существованию и множественности форм жизни, чей расцвет оно обеспечивает.

Наконец, третья характеристика ведет нас к онтологическим вопросам, которых мы касались в первой части. Вполне возможно, что не все миры найдут себе место в мире множественности — шансов особенно мало у тех, чья экспансивная динамика угрожает и множественности, и самой обитаемости Земли. Таков случай натурализма, конститутивной онтологии модерна, которая, предоставив основание для господства над Природой и ее эксплуатации, очевидным образом тесно связана с нынешней траекторией ускоряющейся деградации системы Земли. В этом смысле посткапиталистическая гипотеза имеет много общего с гипотезой постнатурализма, уже сейчас представляющего собой критическую силу внутри нашего антропоценного настоящего. Следствия этого онтологического сдвига для конфигурации режимов историчности и концепций исторического знания уже подробно исследовались. Отказ от раз-

85 См.: Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Пер. О. Смолицкой, С. Рындина; под общ. ред. С. Рындина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Гл. 8; *Descola P. Más allá de la naturaleza y la cultura* // *Cultura y Naturaleza* / Ed. By L. Montenegro. Bogotá: Jardín botánico de Bogotá, 2011. P. 75–96.

деления истории на природную и человеческую подводит к вопросу о *multi-species history*⁸⁶ — истории, связывающей людей и не-людей⁸⁷. Но как именно следует помыслить эту децентрализацию? Следует ли перейти от «человекоцентричной» перспективы к «планетоцентричной», которая поставила бы человеческую историю перед лицом радикальной инаковости геологической темпоральности, предельно равнодушной к человеческому существованию? Вместо того чтобы привязывать планетарное исключительно к этому геологическому времени, разумнее переосмыслить эту категорию в более подвижной перспективе «Земного» (*Terrestres*), как это предлагали Латур, Данновски и Вивейруш де Кастру, а также Боннэй⁸⁸. Это предполагает, что мы не только признаем значимость геологического времени, но и принимаем во внимание множественность историй различных видов и их ритмы, пересечения, взаимодействия и коэволюции, не забывая о том, что все эти пересечения сами обладают историей, а Антропоцен — это кульминация, в которой переплетение всех этих темпоральностей достигло беспрецедентного уровня. В перспективе посткапиталистического будущего не существует истории, которая не была бы историей Земного, точнее, истории, которая не являлась бы частью межвидовой геоистории земных миров.

Заключение

Очерчивая панораму современного многообразия будущих — от остаточных форм модернистских будущих, сведенных либо к культу экономического роста, либо к гиперболе трансгуманистического разрыва с прошлым, — через вездесущие сиюминутные будущие презентизма и финансиализированной экономики — до сценариев антропоценной катастрофы, — мы сосредоточились прежде всего на поиске возникающих (?) будущих, заключенных в ненадежных посткапиталистических потенциальностях настоящего. Это позволило нам раскрыть свойства особого и во многом беспрецедентного будущего: оно порывает с презентистским заточением и предсказанным апокалипсисом, не восстанавливая при этом светлого будущего модерна и не выступая за повторение традиции. Решающую роль в нем играет позитивный союз прошлого и будущего — он противостоит презентизму, прокладывая путь, запретный для

86 Многовидовой истории (англ.). — Примеч. пер.

87 Chakrabarty D. The Climate of History; Tamm M. Future-Oriented History.

88 Согласно Латуре, земное добавляет к планетарному «политику форм жизни», которая озабочена обитаемостью планеты. См.: Chakrabarty D., Latour B. Conflicts of planetary proportions. A Conversation // Journal of the Philosophy of History. 2020. Vol. 14. № 3. P. 419–454. Об оппозиции между Земным и Людьми см.: Latour B. Face à Gaïa. Доклад 7; также см.: Danowski D., Viveiros de Castro E. Há mundo por vir? Боннэй определяет режимы планетарности как «исторически обусловленные способы (имеющиеся у человеческих обществ, когда они рефлексиируют о своем будущем) объединять человеческие способности к действию с иными, чем человеческие, существующими способностями к действию, и так вплоть до временных и пространственных масштабов планеты» (Bonneuil C. L'historien et la planète. Penser les régimes de planéarité à la croisée des écologies-monde, des réflexivités environnementales et des géopouvoirs // Gesellschaftstheorie im Anthropozän / Hg. von F. Adloff und S. Neckel. Frankfurt: Campus Verlag, 2020. S. 55–92. См. также: Neyrat F. Nous les planétaires // Lignes. 2020. №61. P. 151–167.

предыдущих режимов историчности, и при этом дистанцируется от «разомкнутых будущих» чрезмерной гипермодерности. Вторая особенность этого будущего — его открытый, неопределенный и совершенно непредустановленный характер; этим оно в корне отличается от современного будущего, основанного на связке позитивного ожидания и предсказательной уверенности⁸⁹. Тем не менее ему удастся избежать узости презентистской перспективы и не впасть в предзнаменования конца света, на которые некоторые отвечают грандиозными планами космической колонизации. Будущие, очерченные здесь, стремятся восстановить позитивное ожидание, но в регистре неопределенности и ненадежности, что качественно отличает их от современных будущих. Это хрупкие, сущностно ненадежные, но тем не менее возможные будущие. Не связанные ни с повторением прошлого, ни с продолжением настоящего, ни с продлением траектории Прогресса, ни с наступлением апокалиптической неизбежности, они поистине открыты — им предстоит осуществиться в самом процессе прокладывания еще не существующих путей. Эти соединения неопределенности и открытых возможностей обладают более насыщенной будущностью, чем будущие прошлого. Наконец, «возникающие (?) будущие» не могут быть исключительно человеческими; это планетарные будущие, стремящиеся остаться на Земле, — будущие, чуткие к множественным человеческим и нечеловеческим формам жизни, находящим себе приют на планете, динамика которой в ходе миллиардов лет истории сделала ее обитаемой.

Спокойное течение непрерывной темпоральности решительно прервано: ранее считавшиеся несоизмеримыми темпоральные масштабы — масштаб Земли и масштаб человеческой истории — проникают друг в друга, а прошлое, настоящее и будущее больше не выстраиваются в ровный ряд святой троицы времен. Таким образом, рассмотренные нами возникающие будущие очерчивают режим историчностей, одновременно прерывистый и процессуальный; отвергая всякое представление об истории как о единой прямой линии, этот режим понимает историю как переплетение множественных разновременных траекторий, для которого схождения и сочленения не менее характерны, чем расхождения, фазовые сдвиги, бифуркации и разрывы, а порой и спиралевидные соединения между прошлым и будущим. Тогда как почти религиозная вера и парадоксально внеисторический элемент подтачивали современный режим историчности, возникающий режим может дать более ясное понимание самой историчности. Это становится возможным благодаря двойному признанию: с одной стороны — открытого и неопределенного характера становления, с другой — конкретного измерения процессов, освобожденных от смиренной рубашки абстрактного, гомогенного и непрерывного времени.

Этот возникающий режим историчности открывает возможность для разработки новых переходных концептов, таких как «переключения», и в то же время позволяет переосмыслить другие понятия, например эмансипацию, помещая ее за рамки современного режима историчности, когда-то обеспечившего ее расцвет. Более того, такое переформулирование необходимо, чтобы понятие эмансипации снова обрело действенность. Отдавая должное стремлению к новизне, эмансипацию все же не следует воспринимать как полный разрыв с прошлым. Напротив, именно прошлое способно дать точки опоры для проклады-

89 Анализ этого двойного измерения ожидания см.: *Escudier A. Temporalisation et modernité politique: penser avec Koselleck // Annales HSS. 2009. P. 1269–1301.*

вания новых путей. И пусть переосмысленная таким образом эмансипация открывает горизонт возможностей, никаких гарантий она не дает: нет больше ни заранее проложенного пути, ни уверенности в светлом завтра. Как нет ни объявленного идеального финала, ни идеи совершенства, ни заранее определенной конечной цели. Нет Всеобщего Мира, нет какой-либо другой реализации Единого. Нет Земли обетованной. Нет Возвращенного рая. Создание достойных и свободных форм жизни возможно лишь на пути, проложенном через трудности, распри и конфликтующие возможности — неизбежные следствия признания множественности этих путей. Эмансипация может мыслиться лишь как бесконечная борьба против всего, что может на нее посягать⁹⁰.

Такое представление об эмансипации, лишенное всякой уверенности и какой-либо идеальной цели, существенно отличается от того, которое формировалось в рамках модерного режима историчности. Какой бы хрупкой, ограниченной и ненадежной ни была такая эмансипация, она все равно предлагает предвосхищающему чаянию возможность желаемого Еще-Нет. Более того, такая эмансипация не может быть исключительно человеческой, поскольку ее главное условие — сохранение обитаемости Земли для всего живого. Что касается человеческих миров, то она отдает приоритет развитию множества самоопределяющихся форм жизни, которые в то же время не забывают о взаимозависимостях, делающих возможным само их существование. Такие формы жизни должны быть приемлемы для всех и для всего; а это, помимо сохранения обитаемости, требует уничтожения всех форм социального господства. Именно это мы попытались проследить здесь, очертив «возникающие (?) исторические будущие» — хрупкие и ненадежные, пошибилистские и прерывистые, и в то же время процессуальные, связанные как с прошлым, так и с настоящим, но не отрекающиеся от небывалого, вплетенные в разновременность и открытые для множественности миров, (возможно) все еще пригодных для жизни Земного.

Перевод с французского Сергея Ермакова

Библиография / References

Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании / Пер. Н. Бакши, С. Ромашко. М.: V-A-C Press, 2018.

(Benjamin W. Über Sammler und das Sammeln. Moscow, 2018 — In Russ.)

Беньямин В. О понятии истории // Беньямин В. Учение о подоби. Медиаэстетические произведения: сб. ст. / Пер. с нем. И. Болдырева, А. Белобратова, А. Глазовой и др.; филологический ред. переводов А.В. Бе-

лобратов; ред. Я. Охонько; сост. и послесл. И. Чубаров, И. Болдырев. М.: РГГУ, 2012. С. 237–253.

(Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte // Benjamin W. Uchenie o podobii. Mediaestheticheskie proizvedeniia. Moscow, 2012 — In Russ.)

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Пер. В.И. Молчанова; ред. К.Ф. Блохин // Гуссерль Э. Собра-

90 Для сапатистов конструирование «автономии не имеет конца» (цит. по: *Baschet J. Rébellion zapatiste*. P. 375).

- ние сочинений. Т. 1. М.: Логос, 1994. С. 6–107.
- (Husserl E. Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins // Husserl E. So-branie sochineniy. Vol. 1. Moscow, 1994 — In Russ.)
- Деррида Ж. Призраки Маркса / Пер. Б. Ску-ратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera, 2006.
- (Derrida J. Spectres de Marx. Moscow, 2006 — In Russ.)
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культу-ры / Пер. О. Смолицкой, С. Рындина; под общ. ред. С. Рындина. М.: Новое ли-тературное обозрение, 2012.
- (Descola P. Par-delà nature et culture. Moscow, 2012 — In Russ.)
- Козеллек Р. «Пространство опыта» и «гори-зонт ожиданий» — две исторические категории / Пер. А. Котова и О. Кильдю-шова под ред. А. Смолькина и И. Напре-енко // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
- (Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erwartungs-horizont» — zwei historische Kategorien // Sotsiologiya vlasti. 2016. Vol. 28. №. 2 — In Russ.)
- Кун Т. Структура научных революций / Пер. И.З. Нalётова. М.: Прогресс, 1975.
- (Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. Moscow, 1975 — In Russ.)
- Accelerate Manifesto. For an Accelerationist Poli-tics. Mexico City: Gato Negro Ediciones, 2013.
- Angus I. Facing the Anthropocene: Fossil Capita-lism and the Crisis of the Earth System. New York: Monthly Review Press, 2016.
- Baschet J. Basculements. Mondes émergents, pos-sibles désirables. Paris: La Découverte, 2021.
- Baschet J. Défaire la tyrannie du présent. Temporalités émergentes et futurs inédits. Paris: La Découverte, 2018.
- Baschet J. La Civilisation féodale. De l'an mil à la colonisation de l'Amérique. 4e éd. Paris: Flam-marion, 2018.
- Baschet J. La Rébellion zapatiste. Insurrection in-dienne et résistance planétaire. Paris: Flam-marion, 2019.
- Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt a.M.: Suhr-kamp, 1962.
- Bloch E. Werkausgabe. Band 5: Das Prinzip Hoff-nung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1985.
- Boldizsár Simon Z. History in Times of Unprece-dented Change: A Theory for the 21st Cen-tury. London: Bloomsbury Academic, 2019.
- Boldizsár Simon Z. Planetary Futures, Planetary His-tory // Historical Understanding: Past, Present and Future / Ed. by Z. Boldizsár Simon, L. Deile. London: Bloomsbury, 2022. P. 95–104.
- Boldizsár Simon Z. The Transformation of Historical Time: Processual and Evental Temporalities // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / Ed. by M. Tamm, L. Olivier. London: Bloomsbury, 2019. P. 71–84.
- Boldizsár Simon Z., Tamm M. Historical Futures // History and Theory. 2021. Vol. 60. № 1. P. 3–22.
- Bonneuil C. L'historien et la planète. Penser les régi-mes de planéтарité à la croisée des écologies-monde, des réflexivités environnementales et des géopouvoirs // Gesellschaftstheorie im Anthropozän / Hg. von F. Adloff und S. Neckel. Frankfurt: Campus Verlag, 2020. S. 55–92.
- Bonneuil C., Fressoz J.-B. L'Événement Anthro-pocène. La Terre, l'histoire et nous. Paris: Seuil, 2013.
- Bostrom N. The Future of Humanity // New Wa-ves in Philosophy of Technology / Ed. by J.-K.B. Olsen, E. Selinger, S. Riis. New York: Palgrave McMillan, 2009. P. 194–195.
- Boyer R. Les Capitalismes à l'épreuve de la pan-démie. Paris: La Découverte, 2020.
- Chakrabarty D. Anthropocene Time // History and Theory. 2018. Vol. 57. № 1. P. 5–32.
- Chakrabarty D. Climate and Capital: On Conjoined Histories // Critical Inquiry. 2014. Vol. 41. № 11. P. 1–23.
- Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolo-nial Thought and Historical Difference. Prin-ceton: Princeton University Press, 2000.
- Chakrabarty D. The Climate of History in a Plane-tary Age. Chicago: University of Chicago Press, 2021.
- Chakrabarty D. The Climate of History: Four The-ses // Critical Inquiry. 2009. Vol. 35. № 2. P. 197–222.
- Chakrabarty D. The Planet: An Emergent Humanist Category // Critical Inquiry. 2019. Vol. 46. P. 1–31.
- Chakrabarty D., Latour B. Conflicts of planetary proportions. A Conversation // Journal of the Philosophy of History. 2020. Vol. 14. № 3. P. 419–454.
- Crutzen P. Geology of Mankind // Nature. 2002. № 415. P. 19–23.
- Cusicanqui S.R. Ch'ixinakaw utxiwa. Reflexiones sobre prácticas y discursos descolonizado-res. Buenos Aires: Tinta Limón, 2010.
- Danowski D., Viveiros de Castro E. Há mundo por vir? Ensaio sobre os medos e os fins. Floria-nópolis: Desterro, Cultura e Barbárie e Insti-tuto Socioambiental, 2014.
- Deluermoz Q., Singaravélou P. Pour une histoire des possibles. Analyses contrefactuelles et futurs non advenus. Paris: Seuil, 2016.
- Deluermoz Q., Singaravélou P. Réalité(s) du pos-sible en sciences humaines et sociales // Tracés. Revue de sciences humaines. 2013. № 24. P. 21–43.

- Descola P. Más allá de la naturaleza y la cultura // Cultura y Naturaleza / Ed. By L. Montenegro. Bogotá: Jardín botánico de Bogotá, 2011. P. 75–96.
- Escudier A. Temporalisation et modernité politique: penser avec Koselleck // Annales HSS. 2009. P. 1269–1301.
- Gould S.J. Punctuated Equilibrium. Cambridge: Harvard University Press, 2007.
- Guéguen H., Jeanpierre L. La perspective du possible: Comment penser ce qui peut nous arriver, et ce que nous pouvons faire. Paris: La Découverte, 2022.
- Hartog F. Chronos, Kairos, Krisis: The Genesis of Western Time // History and Theory. 2021. Vol. 60. № 3. P. 425–439.
- Hartog F. Chronos. L'Occident aux prises avec le temps. Paris: Gallimard, 2020.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris: Seuil, 2003.
- Holloway J. Crack Capitalism. London: Pluto Press, 2010.
- Ingold T. Lines. A Brief History. London; New York: Routledge, 2007.
- Koselleck F. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1995.
- Latour B. Face à Gaïa: Huit conférences sur le nouveau régime climatique. Paris: La Découverte, 2015.
- Löwy M. Walter Benjamin: Avertissement d'incendie, une lecture des thèses «Sur le concept d'histoire». Paris: PUF, 2001.
- Löwy M., Sayre R. Révolte et mélancolie. Le romantisme à contre-courant de la modernité. Paris: Payot, 1992.
- Lyotard J.-F. Discours, figure. Paris: Klincksieck, 1971.
- Moore J. Capitalism in the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital. London; New York: Verso, 2015.
- Moore J. The Capitalocene (URL: <https://jasonwmoore.com/wp-content/uploads/2017/08/Moore-The-Capitalocene-Part-I-published-JPS-2017.pdf>).
- Neyrat F. Homo labyrinthes. Humanisme, antihumanisme, posthumanisme. Bellevaux: Dehors, 2015.
- Neyrat F. Nous les planétaires // Lignes. 2020. № 61. P. 151–167.
- Orléan A. L'Empire de la valeur. Refonder l'économie. Paris: Seuil, 2011.
- Servigne P., Stevens R. Comment tout peut s'effondrer. Paris: Seuil, 2015.
- Steffen W., Grinevald J., Crutzen P., McNeill J. The Anthropocene: Conceptual and Historical Perspectives // Philosophical Transactions of the Royal Society. 2011. Vol. 369. P. 842–867.
- Tallandier A. Staring into Singularity and Other Posthuman Tales: Transhumanist Stories of Future Change // History and Theory. 2021. Vol. 60. № 2. P. 215–233.
- Tamm M. Future-Oriented History // Historical Understanding: Past, Present and Future / Ed. by Z. Boldizsár Simon and L. Deile. London: Bloomsbury, 2022. P. 131–140.
- Tamm M. How to Reinvent the Future? // History and Theory. 2020. Vol. 59. № 3. P. 448–458.
- Tamm M., Olivier L. Introduction: Rethinking Historical Time // Rethinking Historical Time: New Approaches to Presentism / Ed. by M. Tamm and L. Olivier. London: Bloomsbury Academic, 2019.
- Wallerstein I. European Universalism: The Rhetoric of Power. New York: The New Press, 2006.
- Wright E.O. Envisioning Real Utopias. London: Verso, 2010.